

Оле, с любовью

Алексей Пурин

СЕДЬМАЯ КНИГА

Санкт-Петербург
2017

ББК 84(2Рос)-5
П88

Пурин А.

Седьмая книга. — СПб.: «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2017. — 100 с.

ISBN 978-5-91258-366-7

Алексей Арнольдович Пурин (род. в 1955 г. в Ленинграде) — поэт, эссеист, переводчик. Автор семнадцати (включая переиздания) стихотворных сборников и трех книг эссеистики. Переводит немецких и голландских (в соавторстве с И. М. Михайловой) поэтов, опубликовал пять книг переводов. Лауреат литературной премии Санкт-Петербурга «Северная Пальмира» (1996, 2002) и др.

В руках у читателя второе, существенно расширенное и переработанное издание седьмой книги лирики.

Книга выпущена при поддержке
компании «Брусника».

© А. Пурин, 2017
ISBN 978-5-91258-366-7 © ИПК «КОСТА», оформление, 2017

АРХАИЧЕСКИЙ ТОРС АПОЛЛОНА

Нам головы не суждено узреть,
где яблоки глазные зрели. Всё же
сияет торс светильником — и кожи
зрачок еще не перестал гореть

тебе из тьмы. Не то бы не слепил
изгиб ребра и в бедер развороте
не чудилась улыбка, в центре плоти
не ощущался созиданья пыл.

Не то б обломком грубым пренебречь
ты мог, обвалом мышц в пролете плеч, —
и не лоснился б он звериной шкурой,

тебя не уставая изучать,
как звездным оком, каждой складкой хмурой.
Ты должен жизнь по-новому начать.

(Rainer Maria Rilke, 1908)

ПРОПУЩЕННОЕ

* * *

...Мучиться мыслями о каких-то людях,
Умерших очень молодыми...

Борис Смоленский (1921–1941)

«За лесом пик и копий
куда как смерть красна.
В расколотой Европе —
прекрасная весна.

Мечтательный германец,
фуражка набекрень, —
о, как его дурманит
французская сирень!

Он видит с Монпарнаса
коросту рыжих крыш,
лиловую террасу
и розовый Париж.

Как неуместны эти
цветущие тона,
когда на белом свете
огромная война

и будущее ими
оплачено уже —
такими молодыми,
что холодно душе!» —

так я писал когда-то,
в смешные двадцать лет...
Но канул без возврата
и этот вешний цвет.

ЛИТЕРАТОРСКИЕ МОСТКИ

Не музей ли здесь для ротозея?
Балерина мраморно гола.
Ходят посетители, глаза
на кусок зеленого стекла.

Вечный сон танцующей элиты
зрительский наяривает зуд —
и надгробья, как кариатиды,
мнимое бессмертие несут.

Яхонтов собранье и брильянтов!
Лира, а не крест или звезда...
Как-никак привал комедиантов —
на пути из грезы в никуда...

Так светло, так зелень разогрета,
так легко в раю полупустом,
так нестрашно!.. Вот-вот скрипнут где-то
детские качели за кустом —

цвета ленты для магнитофона,
лаковый, из двух полупластин,
вдруг коровка божья свой хитин
разведет, как чудище девона.

* * *

Не в арабской ли сказке когда-то
мы с тобой утопали в шелку, —
затворясь от кишенья Багдада,
прикипев волоском к волоску?

И не мы ли, чудес старожилы,
в тугу сжавших сознание чалмах,
голубые под золотом жилы
разжигали друг дружке впотьмах?

Не постель, а безлюбая льдина —
и, когда не прижмешься тесней,
что светильник к перстам Аладдина, —
сразу заледенеешь на ней.

Сокровенное вызнав меж хлама,
еле зримый огонь распалим —
поелику сияние Ислама
носит в сердце смиренный муслим.

Небо в черные ризы одето —
и Кааба незрима уже.
Запах роз, силуэт минарета...
Но дорога известна ходже.

* * *

Поедем в Вырицу — мириться
с необоримою тщетой:
плотва в пучине серебрится,
нежарок тускло-золотой
диск помраченного светила,
и, ветку отведя рукой,
увидь — гроза обмолотила
немую пойму за рекой.
А наш обрыв — из краснокожих...
Но миг спустя развеселит
смятенье девочек, похожих
на закупавшихся Лолит, —
сырой переполох русалок,
дождем застигнутых врасплох...
(Как влагу — пересохший мох,
глаз это впитывает, жалок...)
...Бежим! — ошпаривать крапивой
колени, прятаться в сарай —
под шелест Оредежи лживой,
жемчужной... Рай? Конечно, рай!

* * *

Вечерний, чересчур небритый
и по-кладбищенски сырой,
он сумасбродной Маргаритой
дышал и шулерской игрой
тревожил спрятанной валторны...
Вокруг — едва ль не лопухи...
Как упоительно-тлетворны
всё пропитавшие стихи!
Отраднa стрoгaя oгрaдa, —
нo чтo ж психeя смущeнa
в тeни, гдe Лeты и дe Сaдa
сoединились имeнa?
Здeсь нaклoнялa свoй пoдсвeчник
дитя нoчных мeтaмoрфoз —
и нaм являлся «смрaдный грeшник»
срeдь пoлувытoптaнных рoз,
вoспeтых Aннушкoй... Прoлиты —
и вoск, и слeзы, и мaслa...
Нo стpaстью выщeрблeны плиты —
тoй, чтo и Фaустa нeслa.

ИЗ РИМСКИХ СТИХОВ

1

От фресок, от мозаик, от картин
уйди в тысячеюкие руины,
где воздух стынет в горле окарины
и полон тени пиний Палатин.
Здесь нечто вроде сиверских пещер —
кирпичный ор. И термы, в толк возьми ты,
шестикрылаты строили термиты,
а не, как врут бедекеры, Север.

2

«Возлюбленная спутница, душа,
таинственная жительница тела,
уходишь ты из милого предела,
где знала радость, тая, трепеща,
в безобразные области пустого
забвенья...» И его мемориал
бег времени переименовал,
забывчив, в Замок Ангела Святого!

3

Двуликий Янус, верный палиндром,
Танатоса и Эроса хоромы —
Рим! (Имена кладем, как серебро, мы
в уста — и радость тешим под ребром.)
Ты — сердце мира, в шрамах и крови.
И все в тебя стекаются дороги.
И, умирая, мраморные боги
в поправшей смерть сливаются Любви.

СЕРБСКО-ХОРВАТСКИЙ СЛОВАРЬ

1

Серб, словно серп в жнивье, в поверженном хорвате
пытается найти ответы на вопрос:
зачем латинский крест в родные гены врос?
Оратаев стоят две каменные рати.

Тяжелые шмели гудят в бутонах роз
на языке одном, раздвоенном некстати:
ведь в Загребе вдохнут, а выдохнут в Белграде.
Где мог бы править Крез — руины и некроз.

И если нет в груди для Рима и Царьграда
союза, то в нее вгрызается Стамбул.
На тыщу лет вперед загадана шарада —

и с Юга к нам грядет непобедимый гул:
Софии и Петра амбары дорогие
наполнят навсегда зерном серпы другие.

2

В Карсте голуби прячутся в гротах,
но хорваты умеют и их
добывать. Мне не жаль желторотых,
сизоперых и полуслепых
этих птиц. Интереснее люди —
их смекалка, их сметка. Так вот,
чтобы дичь красовалась на блюде,
осторожно полотнище в грот
опускают они — вроде флага
примиренья... но вдруг им всплеснут —
и из мрака несется ватага
птах, и влет их охотники бьют...

Что ж, и птичников этих веселых,
полагаю, не стоит жалеть,
если в мирных их весях и селах
рассвисталась свинцовая медь.

3

Посылающий весть
безответных ударов,
Громовержец, ты есть,
хоть ничто — для радаров.

Твоей сути копьё
не достанет земное:
разве — скинешь свое
оперенье стальное,

сам же — канешь во тьму
(невозможно сужденьё
о тебе по нему).

Не летучая мышь —
ты, не ястреб, а лишь —
пустота отчужденья.

4

Как и в птичьём зрачке,
для небесных уродов
сто веков, сто народов —
на смешном пяточке.

И что́ знают они
о Дунае, о Доне? —
вроде линий ладони:
если хочешь — сомкни.

И, зови-не зови,
не вмещает их воля
ни тоски, ни любви.

Лишь зачем-то течет
в них магнитное поле —
и куда-то влечет.

5

Тоже в каске, как призрак в студеном и ртутном романе,
ты, Меркурий, — солдат незаметно ведомой войны —
в умозрительных крагах, с махоркой в незримом
кармане,
и измараны глиной твои неземные штаны.

Среди груды кремней, с безутешно тупым автоматом,
ты блюдешь перевал в неизвестное — так же
как встарь;
и мечтательный век, расщепивший державы и атом,
вновь листает в землянке свой сербско-хорватский
словарь.

Или он в самом деле взошел на волшебные склоны,
где гуляют лихие стрелки и веселые клоны,
где закончен угрюмой истории славный поход?

Или просто в горах, где гнездятся поющие скалы,
где ваяют орлицы из лиц костяные оскалы
и находится издавна в царство подземное вход?

2

Ты — не ртуть и не сера, тем более ты — не сульфид.
Ты — та связь, что целит этот мир и от смертных
обид
одинокчества лечит, нездешнее в кость вливая.
Лишь тобой, ей чужим, и жива вся Природа живая.

3

От курчавой макушки до пяток крылатых
весь ты — в тех изначальных, единственных латах,
что прочнее любой рукотворной брони.
Ибо образы смертного вечны. Они
облекают и нас, пусть — на час, и зачатых
в нашем сердце богов, пусть — тоской не початых,
и Того, Кто зовется Любовью. Одни
путеводные светят ночные огни.

* * *

Он тек из бездны миллионы лет,
чтоб кануть здесь, на дне моей глазницы, —
звезды, давно перегоревшей, свет...
Что ж, ужаснуться или изумиться —
как те, до нас: таков и ты, поэт!

Ночных светил слепящие зеницы,
всех одиссей затверженный завет...
Но той еще на небосводе нет
звезды, что нашим правнукам примнится
живой — и вечный передаст привет.

* * *

Езда в незнаемое — сладок
нам только узнавания миг...
Раскрой на лучшей из закладок
Евтерпы парусный дневник!

Всё осязаемое — остов,
скелет безжизненный. Зато
нас увлекли ездой в остров
ТрEDIAKовский и Ватто.

Дышал Эол, волна бурлила
и чайка прядала в волну,
и Одиссей узнал Ахилла
по склонности играть в войну.

И там, на острове Киферы,
блаженно выплывшем из книг
подобьем перевозданной сферы,
тысячелетья — только миг.

НАРЦИСС

Столько замороженных ничьих ночей
ты глядел в горячий живой ручей,
где твоим стенаниям вторил милый
рот, что влага стала твоей могилой.
Как песчаное дно, трепетала грудь,
и упругие рыбы торили путь,
и твой облик сливался с любимым ликом,
и взаимным дол оглашался кликом...

А теперь над тобою вода чиста
отраженьем облака и куста,
вместо лика-облика — лоск и блики,
ибо те, что сжаты серпом, безлики.
Только тишь да гладь, не шумит камыш,
не шуршит в траве полевая мышь,
слезы смыты и вышел финал обидам —
и лежит весь мир ледяным Аидом.

СОБОРЫ

I

В Амьене, в Шартре, в Реймсе сталагмиты
вросли в лазурь, но больше не растут.
Кто оязычил каменщиков, тут
стучавших в лад? Куда ушли термиты,
вдруг загудев на тысячи ладов, —
в немые паутины городов?
Иссякли слезы сталактитов? Осы
оставили гнездо?.. Одни вопросы.

II

Как если бы взлетающим фонтанам
застыть навеки повелел Господь
нерукотворным камнем неустанным,
колонн и дуг подброшена щепоть —
как на вопрос о мыслящей деснице
полуответ двусмысленный. И вот
за тыщу лет не шелохнется свод —
там, где немолчный рынок шевелится.

III

До нас ли взрываю огненно-застылым
и водопадам, обращенным в лед, —
в углы вселенной, к времени могилам,
они давно отправлены в полет.
И такова их скорость световая,
что (как душа — на длинном волоске),
неподлинно меж торжищ пребывая,
они на самом деле — вдалеке.

IV

Лишь костяки. Но их грудные клетки
тысячеусто поднимает Бах,
и свет, пройдя сквозь радужные сетки,
рождает цвет в их темных черепах.
А вечерами башенная роза
зеленоватым светится огнем —
кошачий глаз! Не утешенье — в нем,
увы, а ненасытная угроза.

V

Что́, если Бог — отвесный водоем?

* * *

И Путин есть, и Буш, и Ельцин, и Хрущев,
и Горбачев, и Лигачев
в любом паноптикуме римского портрета
(хоть в Мюнхен поезжай, а хоть зайди и в наш
легкодоступный Эрмитаж),
зане в чертах владык — особая примета.

А Пушкина в тиши тех залов не найдешь.
Ни Блок, ни Мандельштам, ни Фет туда не вхож —
ни Тютчев, ни Кузмин. И, сколько б ни искали
мы (тыщи лет!),
ни Пастернака там, ни Анненского нет —
как в басне этой нет морали.

ТЮБИНГЕН

Маттиасу Якобсу

I

В пивной, где Гегель с кружкой пива
горланил, яблоку упасть
претит. История криклива —
пускай и выдохлась как страсть.
Пусть даже кончилась. Но гама
и дыма хватит на сто лет
(и долго будет Фукуяма
перед Фуко держать ответ).

II

Но городок — как на картинке.
Тут — замок, рынок. Там — река.
Средневековые пластинки
такие кружатся пока.
Разрушили — восстановили.
(Есть ось — поэтому легко.)
И крест готический на шпиле
плевал на ваше рококо.

III

Здесь Гёльдерлинова веранда
нас приглашает обозреть
пейзаж, для углого таланта
нуждой оставленный на треть
столетья: лишь речонку эту
и видел (мутная вода),
пока совсем не канул в Лету —
и стал бессмертным навсегда.

ПАМЯТЬ

Дует норд-ост — любимый
мною ветер, поскольку
он — пламенеющий дух
и сулит добрый путь мореходам.
Что ж, иди и приветствуй
волны дивной Гаронны
и сады Бордо,
где с отвесного берега вниз
тропа спешит и в поток
глубоко ныряет ручей, а за всем следит
благородная сверху чета —
дуб и серебристый тополь.

А еще мне помнится ясно, как
роща вязов над мельницей
клонит пышные кроны,
во дворе же растет смоковница.
По воскресным дням
ходят смуглые жены
по шелковистой земле —
в марте, когда
ночи и дни равны
и над неспешной дорогой,
золотыми снами чреват,
убаюкивающий колыхнется воздух.

Пусть поднесут
мне пылания темного полный
благоуханный кубок,
дабы мог я забыться, ведь так сладка
среди тэней дремота.
Нехорошо — бездушно
смертным помыслом жить.
Хорошо —
о сердечных пристрастиях

с милыми толковать, слушать многое
о делах минувших
и днях любви.

Но где ж друзья мои? Где Беллармин
со спутником? Боязливо
иные ищут исток,
ведь исток изобилия — в море.
Эти же, как живописец,
копят дива Земли, не страшась
крылатой войны, и живут,
одинокие, множество лет
под безлистой мачтой — в ночи,
не пронзенной
ни празднеством городским,
ни струнной игрой, ни туземной пляской.

И вот в Индиях ныне
эти мужи —
на виноградных холмах,
на воздушной косе, куда
сходит Дордонь
и с роскошной Гаронною вместе
широким разливом
величаво течет. Да, забирает
и возвращает воспоминания море,
и любовь упорно влечет к себе взор.
Остальное создают поэты.

(Fridrich Hölderlin, 1803)

СЕРЕДИНА ЖИЗНИ

Край, полный буйных роз
и желтых спелых груш,
над озером навис;
и лебедь, захмелев
от ласк зеркальных уст,
к бестрепетной воде
склонился головой.

Мне страшно: где найду
я стылой зимой цветы —
о, где? — и солнечный луч,
и благодатную тень?
Стены стоят,
глухи и холодны.
Флюгером ветер скрипит.

(Fridrich Hölderlin, 1799–1803)

* * *

Nah ist
Und schwer zu fassen der Gott.

Hölderlin

Стихи с названиями «Зима»,
«Зима», «Весна», «Зима», и «Лето»,
«Зима», и «Осень», и «Зима»,
«Зима», «Зима», сойдя с ума,
еще писать в два-три куплета.

И видеть смену сорок лет
времен неведомого года
в окне, где вторит свой куплет
четырёхстрочная Природа...
Непостижим Господь! И нет
мостка над бездной, перехода.

ИЗ ВЕРЛЕНА

Подростком я мечтал о «Кохиноре»,
о роскоши персидских, папских зал:
Сарданапал — я, Гелиогабал!

Статисты грез с пыланием во взоре
вмиг исполняли мой любой каприз —
гарем безбрежный, зримый парадиз!..

Давно не жду от жизни приключений
таких — поняв, что ей не до щедрот;
живу смиренней, чем простой народ —
но сердце не забыло тех влечений.

Пусть не носить пурпурных облачений,
всё ж славить скудость не способен рот —
и по сей день, увы, мне тошно от
неточных рифм и отчих поучений.

ИЗ СЕБАСТЬЯНА НАЙТА

1

Летят салазки вниз — и синий
под ними скат несется ввысь.
Ристальный лед. Хрустальный иней...
Мгновение, остановись!..

И вот не в желобе, а в лузе
всю жизнь (пусть жизни никакой!)
кристаллы острые — на друзе
мороза — чувствую щекой.

И, проносясь, синеют ели
в адреналиновом бреду,
а наст гостиничной постели —
что лён в Таврическом саду.

И даже мертвою весною
я сберегу (а вы вольны?)
за замороженной десною
обол сосулечной слюны!

2

В окне двулинзом, точно в призме,
гиперборейской пустотой
рожден, плывет в метаболизме
морозный купол золотой.

И тускло, словно он из бронзы,
неволит мраморную бязь.
Но пальчиком до льда дотронься —
сверкнет червонец, заискрясь...

Так что ж, усвоив трюк Тантала,
трюк Креза, автор прячет взор?
Он — царь!.. да царство — из металла:
и дом, и крепость, и собор.

3

В газетах: приз получит Букин,
не Межеумский. Поделом.
Там есть какой-то хоть излом.
(Тут плохо с рифмой — *глюкен, глюкен?*)

Ну что ж, заслуженные лавры!
Да и по росту эта роль —
Стокгольм, нордический король,
тупых писак абракадабры.

И по плечу наемный фрак.
Пусть он — немножко... не «дурак»...
но — кисло-сладкий из Сорренто...

Ты скажешь: зависть? Может быть.
Но я не в силах позабыть,
что дару нет эквивалента.

4

Ответь, пожалуйста, была ты,
жизнь, мигом сжавшаяся в миг,
еще хоть чем-то, кроме книг
(ведь книги — скинутые латы)?

В кого твои слепые стрелы,
что вечно целили в меня,
попали — в рыцаря, в коня
(мы, как кентавр, единотелы)?..

И вот теперь приходит Ночь
и говорит: «Гут, Найт!» — точь-в-точь
как по-немецки: «Ай да сукин!..»

Я — призрак в литерной броне,
смешливый Пушкин машет мне —
и что́ мне Гудмэн или Букин.

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

На хólмах Грузии играет солнца луч...
Тициан Табидзе. 1937

Здесь в полдень — полумрак, здесь в знойный час —
прохлада
каприйских мертвых вилл. И в запустенье сада
пируют призраки тех, кто тут прежде пил:
того убил тиран, а тот себя убил.
(И русский их свояк, брат мимолетной жизни,
не смел и рта раскрыть потом на тайной тризне.

Мерцающий рубин темно пылал в бокале.
Горячие, как кровь, съедались здесь хинкали.
В сациви плоть цыплят цвела. А с языка
витиеватый тост и гибкая строка
сходили тут и там вдоль тучного застолья —
неслыханная лесть под маской своеволя...

Немыслимая жизнь! Чанахи и ЗАГЭС.
«Да здравствует прогресс!» «Приветствуем процесс!»
Шпионов и убийц мы требуем расстрела!»
«Советскою вовек да будет Сакартвело!»
«О чем грустишь, Борис?» «Да так, Галактион...
Взгляни-ка — как багрян сегодня небосклон!»)

Тиберия в тени шумели тут пиры
на фоне наших зол не знающей горы,
где братья тех двоих, в Иудин ус не дую,
почившие лежат в чинах от почечуя...
О, спутники мои — Котэ, Зураб, Звиад! —
да минет нас (храни, Пшавела!) этот ад.

ДЖВАРИ

Аннелизе Аллеве

«Существованья ткань сквозная, —
сказал, — и рек не мыслит врозь».
И мне под старость довелось —
щедры, Господь, Твои дары! —
узреть с грузинского Синая
союз Арагвы и Куры.

Толпились тучи над горами,
вилось ущелье, как змея, —
и раскрывалась перед нами
страница Книги Бытия —
пейзажный фон для Моны Лизы,
где все народы стали в круг.
Что́ миру ссоры и капризы? —
не мыслит врозь он рек и рук...

...Но послезавтра из газеты
узнаём: дудки! не вполне
неколебима правда Мцхеты,
и на войне — как на войне.
Да и в газете — как в газете
любой: полправды и «ура!».
И, не сливаясь, реки эти
текут — Арагва и Кура.

* * *

Памяти Василия Русакова

Всё кончается в зале без окон,
при больнице, на заднем дворе:
треск свечи, да спеленатый кокон,
да зачуханный поп в серебре.

И какие-то люди с цветами
в на минуту притихшей толпе:
кто такие — не знают и сами, —
что же могут постичь о тебе?

Тоже — люди. И тоже — поэты.
Тоже все непременно умрем...
Что дает обобщение это
о единственном, лично твоём?

.....

Ну, простились. И выпили пива,
забрёдя в полусонный шинок...
Не навеки, Василий! Счастливо!
Сколько б ни было — всё же не срок.

* * *

Последнее, что здесь еще не мнимо, —
безбрежный зной в телесной тесноте, —
ты чуешь ли, как плоть, в тебе палима,
горит костром древесным на кресте
костра? С собой, потворствуя и вторя,
кормлю тебя, обрушиваясь в зев, —
перехожу из милого — о, горе! —
по лабиринтам мук в подземный гнев.
И, яростно очищенный в печи,
в горниле боли, более не чая
утешного отзыва на лучи,
что сердце слало звездам, докучая,
я дотлеваю... Я ли — это? Я
ли — эта память, выжженная тьмой?..
О, жизнь — в пыланье инобытия!
Уже неузнаваемый, я — твой...

(Rainer Maria Rilke, 1926)

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

* * *

Ты пробуждаешься, о Байя, — Бог
с тобою, Байя!
Не всякий бог восстать из гроба смог —
и Байя не любая.

Тайфун, землетрясение, вулкан
(Неаполя, к примеру) —
а ничего! Лишь пасмурный сафьян,
дурманящий триеру.

Иль это яхта русских богачей?..
Пусть Бог не выдал,
но не смущает взор уже ничей
твой утлый идол.

И честные патриции, увы,
не понаедут к маю
из Рима, не сносивши головы,
в целительную Байю...

Дремотное баюканье олив,
благоуханье рая...
Но Время, и богов испепелив,
течет, играя.

Субстанции властительнее нет,
неумолимей, неу-
ловимей! Твоему, поэт,
Оно сродни напеву.

* * *

Решай же, смертный, как тебе —
в халате ль, скажем, и небритым,
в наряде ль юнкерском расшитом,
иль пусть сыграют на трубе?

Мундир парадный? Фрак простой?
Или, изволь, — в одной рогоже
и без креста (как Лев Толстой;
но это — святотатство, Боже!)?

В супрематическом ларе?
В венке и в греческой рубахе?
Как Виттельсбахи — в серебре
(но мы, увы, не Виттельсбахи!)?

Купи в Италии костюм
(там лучше шьют, и шерсть овечья)...
Есть масса способов: «дум-дум»,
Фаюм, культуры Междуречья...

Желаешь — в хлопок? Или — в лен?
Поверь, товарищ: нет проблемы!
И упокойся, окрылен
многообразием этой темы.

* * *

...драма, развернутая в его поэзии,
останавливается на ужасе — перед
бесмысленным кривлянием жизни
и бесмысленным смрадом смерти.
Это — ужас двух зеркал, отражающих
пустоту друг друга.

Владислав Ходасевич

Допустим, как поэт я не умру,
Зато как человек я умираю.

Георгий Иванов

*Друг друга отражают зеркала —
житейский чад и мерзость разложенья.
И остается разве что зола
стихов в конце земного униженья.
А музыка потом спалит других.
Мы для нее, играющей, — поленья.
Иван Ильич, достигший просветленья,
мне дорог меньше строчек дорогих.*

*И ты, беглец парижский, на чердак
заброшенный и в зеркало глядящий
в предошущенье смерти предстоящей,
не думай: в Царском было точно так.
Живи пока. Но свой язык змеинный
умерь, а лучше спрячь его навек.
Не, как поэт, умри — как человек...
Грядет закат, *закат холодно-дынный.**

МУЗЫКА НА ЗАКАТЕ

...Das Ohr hört nachts...

Georg Trakl. Musik im Mirabell

1

В городке, раздобревшем на соли,
где играл вундеркинд в парике,
позабудем на день о юдоли
леденящей, о стынущей воле —
погуляем с синицей в руке.

Что́ нам клич журавлиный во мраке
и безлюбых небес неуют!..
Крендель булочной (вечные знаки!).
Пиво славное пьют австрияки
и божественный «захер» жуют.

Вот и правильно. Вот и бесспорно:
ни к чему нам мучительный свет
этой музыки после Адорно
(кто ж не знал, что искусство тлетворно?)!..
Только шарики вкусных конфет.

Только сон утешительной прозы,
где музыка, как струйка воды,
под журчаньем не прячет угрозы,
где сменили пуды сахарозы
кристаллической соли пуды.

Зальцбург

Мой принц, мы посетили Ваш дворец. Теперь там — Эрмитаж в миниатюре (модернисты: Моне — блистает, Климт — блеснит). Но из окна всё тот же вид — серебристый пруд и сад тенистый.

И Вена — вся, во всей красе — что куст в мерцающей росе, — в огнях, готовых расплыться. И, как отряд передовой, вступает в город, пусть и свой, в потемках Нижнее палаццо...

Савойский, зри! прошли века; ничья не справилась рука с полком годин необоримым — убит и смелый наповал; а бург стоит, как и стоял, когда-то бывший Третьим Римом.

Ваш меч, его судьбы залог, остановить османов смог. Но выросли потом проценты (ведь жизнь — сама взаимосвязь)... Зачем Сараево, мой князь, Вы разорили после Зенты!

Вена. Дворец Бельведер

Цезари, лежащие в свинцовой немоте серебряных ларцов... Ах, и от системы образцовой остается прах в конце концов!

В этом царства схожи с человеком,
в слепоте не видящим своей,
что нелепо верить берегам —
договорам, скипетрам царей...

Где величье замысла, где смысла
торжество? Лишь Евровавилон.
Утекла обратно речка Висла,
а Дунай на лужи поделен.

Сорок правд — на месте двуединой,
сорок кривд и сорок языков...
Полон, как сардинница сардиной,
невеселый габсбургский альков...

Впрочем, что́ я! Нам бы их печали —
с нашей суетливой нищетой!..
Выйдем — снова скрипки зазвучали,
рестораны спорят с темнотой.

Вена. Церковь капуцинов

4

Пятый век они идут по насту
в абсолютной тишине,
как случилось разве астронавту
на Луне.

Вечереет, никакого звука
во вселенной больше нет.
(Но недаром «ночью внемлет ухо»
говорит поэт!)

Ни борзые не пугают лаем
пригород, ни птах
крики в небесах. Неузнаваем,
мир лежит впотьмах.

(Где он в Нидерландах эти скалы
видел, пейзажист, —
эти италийские оскалы,
шепчущие «st!»?)

Только отдаленный конькобежец
на пруду
стылый мрак безвременья разрежет
музыкой во льду.

Вена. Музей истории искусств

5

В старческой руке тысячетный
скипетр только чудом не дрожит...
Римский император предпоследний —
патриарх библейский, Вечный Жид, —

переживший всех, похоронивший
младших братьев, сына и жену, —
как Пандорин ящик, отворивший
страшную войну.

Здесь он умер, слушая раскаты
рукотворных гроз,
с юности любивший «аты-баты»
и не знавший слез...

Мерный листопад армейских сводок,
мировой спектакль...
Где-то там вдали — какой-то Гродек
и какой-то Тракль.

Вена. Дворец Шёнбрунн

Музыка бывает только в Вене.
Только в Вене царственной она
неподвластна порче и подмене.
Только в Вене музыка — Жена, —

Дева, облаченная в свеченье,
в колыханье жаркое смычков.
Здесь ясней ее предназначенье:
«Рай таков! — твердить нам. — Рай таков!»

...Или это море золотое
в белом и лазоревом цвету?..
Не решусь, как будущий Никто, я
перейти заветную черту.

Задержусь у ратуши с бокалом
мозельвейна. На большом панно —
оперные арии... Вокалом
этим всё, что знал, посрамлено!..

Безразлично мне, что дело к ночи,
что вокруг всё глуше и темней,
что до тьмы дорога всё короче...
Ночь поет! И дело только в Ней...

Только в Вене бурной словно в вену
введена холодная игла,
чтоб душа Прекрасную Елену
из персти земной узреть смогла.

Вена. У Новой ратуши

РОМАНСЕРО

Безумная Барселона
с фонтанами на груди,
где строят дома наклонно
и где растёт Гауди;

Валенсия — вроде вальса
над втоптанной в твердь рекой
(о канувшем не печалься —
махни ему вслед рукой!);

гранатовая Гранада
в дурмане арабских зал,
куда круглоту квадрата
вписал император Карл;

откосов и дуг усилье,
собой изумивших мир, —
сервильнейшая Севилья,
клавирный Гвадалквивир;

стоарочная Кордова —
как соты во весь экран,
где храму мечеть основа
и в Библию вбит Коран;

в бреду иль на грани бреда,
как если б и вправду Грек
его начертал, — Толедо
в кольце торопливых рек; —

и нас приведет дорога
в стучащий о мрамор плит,
в цветущий своим барокко,
в кишачий людьми Мадрид.

* * *

Поэт описывает вазу
во всеоружье мастерства.
Она почти что зрима глазу...
Скажи: она — тверда? мертва?
И столь ли форма недвижима,
чтоб по прошествии веков,
для простаков непостижима,
она смущала знатоков?

Ах, пленник трепетного слова!
Тебе — будь Китсом наконец —
вовек не высечь из живого
ту твердь, что выточил резец;
не сохранить в тенетах звука
ту плоть, которая с ума
сводила... Горькая наука!
Мысль — только посох и сума.

НАСТАВЛЕНИЯ

1

Коварствами искусств насытяться наконец,
овсяный свой венец прими — и в Олонец
какой-нибудь езжай, и доживай угрюмо:
где девочка-любовь, где мальчик из Фаюма?

И всё же грех роптать: всё было, всё сбылось,
а слабое тепло и днесь не пресеклось;
живи себе пока, ни хладный — ни горячий,
в надежде волшебства, но к мастерству незрячий.

2

Тот облик, что глядит из зеркала,
не мог бы юности присниться.
Как жизнь дурашку исковеркала!
Ему бы впору власяница.
Бреди стезею, заносимую
за сим снежком, с небес упавшим,
в Ничто — каким-нибудь Зосимом,
как всё на свете провонявшим.

3

Жизнь посредственного поэта
хороша. Посмотри: всех тех,
кто имел претензии, Лета
унесла уже — не успех.

Поглядим еще, почитаем
их, паленой водки попьем...
Тот, кто умер и почитаем,
негасимым горит огнем.

ВЯЗЕМСКИЙ

Объездил всю Европу, проедая
несметные богатства; исписал
стихами пуд бумаги. Дар Валдая —
и тот звенеть на станциях устал.

Съел тонну трюфлей, тысячью бутылок
шабли запив, — а чреву ничего.
Не избежал язвительных ухмылок:
де, граф лепил Безухова с него.

Прокипятил в игре полмиллиона,
сам признавался, в молодости. Но
одумался. Не верил непреклонно
поповским сказкам; знал, что там — темно.

Темно и страшно — как в голодных селах,
ему струивших солнечный оброк;
и сим воздастся... Мыслей невеселых
в бюветах Пфальца утопить не смог.

...В каких теперь катается вселенных?
Бог весть! Родился, пожил и исчез...
Но сочинил десяток драгоценных,
хоть беспросветных, в старости «пиес».

* * *

Во сне привиделось: в аду
я то мучение найду,
что вечно буду мерзкой твари
«на случай» вирши сочинять;
а рядом дудочки ваять
нечистым будет Страдивари.

Всё будет — как на Соловках:
и кисти, и резцы — в руках,
и драмкружок, и взвод расстрельный.
То Моцарт «Мурку» напоеет,
то Данта выведут в расход,
то Блока вздернут за котельной...

А ты, читатель мой, в раю
окажешься (на том стою —
да и не может быть иначе!), —
советчик верный мой и врач, —
и там среди рублевских дач
не загрустишь о нашем плаче.

* * *

...поэт трагических забав...

Евгений Рейн

1

Я видел сорный Вторчермет,
где ты копил свой опыт детский,
забав трагических поэт,
и скорбный лес ниже-исетский,
где ты закопан. На закат
скользило тусклое светило
сквозь сети сосен и оград —
и куцый кустик золотило.

Осина? — думал я. — Оляха?
Ах, всё равно — жилища праха.
И что стихи? — плоды греха,
питомцы смерти, дети страха...
Но только в них, как ни верти,
живет незримый свет, который
позолотит и взаперти
листву за самой черной шторой.

2

Будет слава и слева и справа —
то, чего так хотелось, поэт:
лава славы, обвал и облава, —
торжествуй! Но тебя уже нет.

Ты ль, зарытый на Нижне-Исетском,
соснам, к небу шагающим, брат,
этим фишкам фортуны и нецкам
всепризнанья загробного рад?

Понесут, раздевая, на сцену
и споют пропитым голоском...
До того ли холодному тлену,
что в пылающих безднах иском?

...Сложно вычленишь верное чувство:
обольститель скорее, чем друг,
ты любил беззаветно искусство
обольщенья из здешних наук.

То есть — лирику. Вышло неплохо.
Плюс закрытая с грохотом дверь...
На бессонной позиции Блока
ты командуешь ротой теперь?

* * *

Помолиться Ему за богов нелепых,
прозябающих ныне в музейных склепах, —
за мальчишек вздорных, за милых шлюх:
ну подумаешь, с лебедем там, с быком... Но
Ты ведь милостив! Что же всё — домна, домна?..
Пусть им мрамор станет как пух, как пух!

Да и так ли Твои рыбаки-евреи
в обиходе божка афинян мудрее?
Кто ловчей корабельную ладит снасть?
Прозорливей о бродах? Нужней при родах?
Кто печется о сводах, походах, одах?
Кто, Тобой не любим, нам не даст пропасть?

Ты (я знаю — единственный Бог на свете!)
снизойди, ибо грешным милы и эти
персонажи-призраки старины:
назови их Николой Морским, Андреем
Первозванным (Загрея жарчей согреем!),
но оставь нам странные наши сны.

СЕБАСТЬЯН

Точно так же выгнутый навстречу
дрожи стрел, как луки — ей вослед,
шепчет: «Отче, муче не перечу:
Ты сильней страдаешь, Параклет».

С каждым мигом ближе злая стая.
(Не спасает логика, Зенон!)
Из души земной произрастая,
дух в зенит небесный устремлен.

Не стрела покоится, летая,
(как нелепо думал элеат) —
это просто Дева Пресвятая
обернула мученика в плат.

Он прозрачен, но при этом прочен.
А мгновенье длится сквозь века.
И святой стоит, сосредоточен, —
нам, минутным, видимый пока.

* * *

Е.Б. Рейну

Хотел бы Венецией дивной
когда-нибудь с Вами пройти, —
искуснейший этот, наивный
соблазн обсудить по пути.

На Пьяцце вспугнув сизокрылых,
держали б мы к северу путь, —
где видится берег в могилах,
а граппа дешевле чуть-чуть.

Здесь лев, понимающий в Слове,
когтистую ставит печать, —
и на Фондамента Нуове
нам лучше всего помолчать.

Чернее чернила лагуны,
чем что-либо было когда..
Но — солнца, планеты и луны!..
Вот — Ваша сияет звезда.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Гаэта

Возвращенное лето
под конец сентября —
эта крепость Гаэта!
Прилетели не зря

из угрюмого края
к nereидам: Nereй
шлет, трезубцем играя,
волны в скалы под ней...

Nereиды благие!
Чьим красотам дивясь,
за стихи и стихии
(загрустив, веселясь),

за мечтавших о море
южном (живы — должок)
со слезою во взоре
выпьем граппы, дружок, —

за жида, эфиопа,
спящих в русской земле!
...Хорошо хоть, Европа
держит ноги в тепле.

2. Сперлонга

Не уместить шезлонга
горизонтально в ней:
крошечная Сперлонга —
сонмище ступеней.

Что-то из Лонга: Хлоя,
Дафнис, надои коз;
сельское и морское —
разуму вперекос.

Обзавелась решпектом:
лавки и бутики, —
даже почти проспектом —
в три-четыре руки.

Местные ветераны
зорко сидят в тени —
и изучают страны
в лицах: чудны́ они.

Немцы, американцы
бродят туда-сюда
(фотки-протуберанцы) —
праздные, ждут, когда

Дафнисова сиеста
кончится (ровно в шесть!),
Хлоя замесит тесто —
и позовут поесть.

3. Неаполь

Испанское безумие на фоне
Везувия. Под скопищем аркад
миниатюрны клодтовские кони.
Сияет в небе бронзовый дукат.

Запущены фасады. Груды сора.
Кумиры мертвых рослы и грозны.
Всё скоро прахом скроется от взора.
Испепелится око. Канут сны.

.....

Музей. Полголовы Веспасиана.
Огромный шар когда-то был разбит.
Но что́ ему до этого изъяна,
чудовищу, до каменных обид?

И что́ до нас ликующей Природе,
спешащей всё сметающей рекой?..
Приплывшему сюда на пароходе
Фетида емлет жребий, — но какой!

РИМСКИЕ ДНИ

1. Circo Massimo

Прекрасного должно быть до фига:
и шествия, и скачки, и бега;
согнать со всей империи рычащих
зверей, вождей плененных и слонов —
и двинуть в ров, — основа из основ;
с улыбкой слушать царедворцев льстящих

и удовлетворенный рев арен.
А то, что ты — какой-то там Макрен,
Макрин, минутный повелитель Рима,
вчерашний всадник, завтрашняя снесь
ожесточенья, лучше не иметь
в виду; твоя судьба непоправима.

Сиди, смотри кровавые бои —
их любят все сограждане твои,
но распаленным этих зрелищ мало:
убить тебя — что кинуть конфетти! —
убить тебя — и бросить на пути
вступающего в Рим Элагабала.

Терпеть того в течение лет пяти.

2. Palatino

Великое Ничто — то в мраморе крылатом,
то в золоте литом, — по храмам и палатам
расставленное здесь искуснейшей рукой
несметных мертвецов, несомых, как рекой
забвения, на миг явившейся минутой,
являет в суете красы свой облик лютой.

Не о глазницах терм реку — о полноте
Прекрасного, увы, подобной пустоте, —
о трепетной Пьете на фоне вечных сосен:
незнающим, им кряж могильный плодоносен;
но ты — как Пий, как Сикст, — лишь камень, щебень,
тлен, —
запечатлен резцом иль не запечатлен.

Поверил бы отцам, пророчащим деревьям
о Царстве Неземном; но утлым суеверьям
потворствуют собор, надгробие, плита...
Нет, здесь не дышит Дух; Искусство — пустота.
Убогому уму оно — подмена Бога...
Боюсь, за это с нас *никто* не спросит строго.

3. Quirinale / Pinus pinea

И Сикст, и Пий, и Цезарь, и Нерон...
Процессия всеобщих похорон.
Ты — кладбище громадное всего лишь,
прекрасный Рим под небом голубым;
и странно мне, что ракурсом любим
ты мой недолговечный глаз неволишь.

Ужели персть земная — и титан,
кем потолок капеллы папской дан —
и грозная стена напominанья?
Сменяются хозяева палат,
с творцами их соскальзывая в ад;
разрушатся и статуи, и зданья...

А я, чужак, как некогда Север
какой-нибудь, не знающий манер,
гляжу на этот Голем с Квиринала —
и пинии, раскрытой в небеса,
твержу свое «Спасительна краса!»;
но и Петра она не понимала.

4. Pantheon

Отверстие, нацеленное в высь:
не всем богам, небесным лишь молись.
Построил, пишут, щедрый Марк Агриппа,
друг Августа; а позже Адриан
украсил; был ободран и заср́ан;
но выстоял, очнувшись, как от гриппа,

от бреда и беспамятства веков.
Величественнейший из потолков,
скажи, о чем молчат твои кессоны!
Где боги — Марс, Меркурий, Аполлон,
Юпитер?.. Ими космос населен
или Аид? Где слышимы их стоны?..

(За два тысячелетия никто
не посягнул на звездное лото,
на домино небесное: ни Марка
нет, ни Петра, ни Павла, ни Луки
на зыбком своде; только светляки
язычников на нем сгорают ярко.)

Теперь тут церковь Мучеников всех
и Приснодевы... но — прости мой грех,
Заступница, — неясные святыни:
могилы итальянских королей,
ученая окружность, а над ней —
не крест, но линза безответной сини.

5. Serapeum. Tivoli

Он приходил сюда по вечерам,
один — и воскресал прекрасный срам:
Александрия, грязный рай Канопа,
где Каллипиге вторит Каллиопа.

Всё совершилось в жизни, всё сбылось.
Он видел мир, как пифия, насквозь —
все чудеса, все страны, все чертоги...
И сам он — бог. И с ним сроднились боги —

Серапис, Нил, Асклепий, Антиной...
Он верит в них, как в зримое: их зной
неугасим в сетчатках опаленных.

Солдаты спят никчемные, жена.
И лишь александрийская луна
всю ночь горит из вод желто-зеленых.

6.1. Laterano

«Prossima fermata San Giovanni».
Выйди, онемев от красоты...
...В катакомбах, в клетках, в котловане...
Большинства людей счастливей ты.
В черноту зрачка нетерпеливо
собираешь Рим. Ну, погляди:
в грозовую даль уходит Via
Appia. Постель возьми, иди!

6.2. Santa Maria in Palmis

Изумился Идущему в чрево
вавилонское: «Боже, куда?!»
Ни направо свернуть, ни налево...
Ничего нет прекрасней стыда!

Надо думать, он встал с петухами,
чтобы вновь от судьбы ускользнуть;
но внезапно огромное — *камень!* —
преградило спасительный путь:

«Ну а ты-то куда?» — и взглянуло,
как возлюбленный преданный, в ночь
его глаз. И Петра развернуло...
Только стыд и способен помочь.

7. San Pietro

Благословил Франческо из окна
столпившийся на площади народ.
Была одна рука его видна.
И в тот же день (как бы наоборот)
нам повстречался беженец без рук,
просящий подаяния араб.
О, эта нищета! О, этот Юг!..
Когда же мир узрит безруких пап?

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Сергею Слепухину

Стихи до Рима нас не доведут,
зане велеречивы и надуты, —
где взять им обаяние ведут —
очарованье пойманной минуты?

Поможет кисть, помогут краски им,
явить Натуру не способным зримо,
безжизненным, но всё-таки живым, —
и доведут, пусть под руки, до Рима.

С АРАБСКОГО

А.

Говорят, живет еще — в Каире,
пестуя свой страх...
Плеч и лядвий слаще в целом мире
не было. Аллах

милосерден, но мольбы бессильны
прежний рай вернуть.
Только сон земной да червь могильный
знают верный путь.

Невозможно самому Пророку
(Славимый, прости!)
до ему положенного сроку
возродиться во плоти.

Остается — как бы в назиданье
будущим векам —
возвести прекраснейшее зданье,
дивный храм

(даже лучше — в букве, а не в камне;
так верней),
дабы содрогнулись: как горька мне
жизнь в разлуке с ней —

с сумасшедшей молодостью нашей,
с красотой —
некогда журчавшей полной чашей,
а теперь пустой.

* * *

Благодарен: прожил немало,
насмотрелся земных чудес;
коль не муза слова шептала —
восхваляю шелестящий лес.

Записать удалось не много,
да и с качеством — не того...
Но нелепо не славить Бога
за невиданный дар Его —

за изгиб флорентийских арок,
нежных губ, тосканских холмов...
Удивителен Твой подарок —
и, безмерный, поныне нов!..

Только чем оплатить щедроты
сможем — каждый алмазный миг,
эти полные негой гроты,
тот вот лавр и тот базилик?

ИЗ ВЕРЛЕНА

Ракушек, украшавших грот,
где мы с тобой блаженство пили,
черты я знал наперечет;

в той — жар пурпурный в полной силе,
каким случалось нам пылать,
когда друг дружку мы любили;

в той — успокоенная гладь
смешков-словечек между делом,
пока нет сил пылать опять;

с ушком твоим сравнится спелым —
вон та, а розовость иной,
чудесной, — с нежным гибким телом;

но как я был смущен одной!

ЛЕВИТАЦИЯ

При строительстве пирамид применялись левитационные техники пришельцев.

Из телевизора

На Дворцовой площади колонна —
чудо из чудес!
Чтоб она стояла непреклонно,
целый лес
извели два бравых генерала —
Бетанкур и Монферран, —
дабы возносилась — и сияла
из полнощных стран.

Рычаги, канаты, сила тысяч
рук... И Бог
лучше б и точней огромный высечь
монолит не смог!
Точно так же, как и при Рамзесе:
сметка да напор.
...Но забыл потомок об отвесе,
что на хазе вор.

Суеверу тока и бензина
не вообразить,
чем ручная движется дрезина,
как сучится нить, —
и инопланетные тарелки
чудятся везде
с жиру позабывшим о *безделке* —
молотке, гвозде.

* * *

Страница-душа в сороковину
покидает милый дом,
не открыв таинственного сыну —
да и даст ли знак какой потом?

Из Афин — в Коринф многоколонный? —
в светлый рай, куда не заглянуть? —
в странный край, от нас отъединенный, —
нам, живым, указывая путь?..

Бог незрим — и жены убоялись,
не сказав ни слова, как и ты..
Но лети, родная, словно завязь
памятливой вечной чистоты!..

Ты любила Бога — и молилась.
Я люблю Христа — и не молюсь..
Что́ бы с нами там ни приключилось,
как Иов, я здешнему дивлюсь.

* * *

Вот и отец, хоть неспешно, за мамой
канул, спросив напоследок: «Лежать
долго ль мне так?» (И повеяло ямой:
не избежать, не сбежать.)

...Коли сожгли, то хватает и пяди
щедрой земли на высотах, с каких
били немецко-фашистские бляди
верной наводкой по городу их...

Что́ я ответил? — «Так надо, так надо,
доктор велел — полежи, не вставай».
Вот и лежит у ворот Ленинграда...
Верить бы, Боже, в Твой рай!

К. Р.

I

Здесь был когда-то Павловский вокзал —
единственный, где музыка звучала...
Ни ресторанных, ни концертных зал!
Я опоздал. Здесь больше нет вокзала.

Какой-то сад совдеповский — ларьки
да спортплощадки... Не помогут хворьям
моим сырые ваши пирожки!..
Здесь устрицы, я верю, пахли морем.

Здесь русский Малларме (я убежден)
не пренебрег искрящимся бокалом...
Я опоздал. Мне страшно. Это сон.
Финал. Большое оказалось малым.

Увечный дуб. Приземистый дворец.
Ручей великолепен, я согласен.
Но прочее — б/у, как, наконец,
хозяин здешний, сочинитель басен.

II

Хозяин здешний, сочинитель басен,
великий князь, служака, адресат
посланий Фета, в целом был прекрасен —
умен, учен, неробок и усат.

Не «князь Дундук». Но тоже — по наукам,
по Пушкину... и (лучше умолчать!)...
А Фет писал: «Твоим волшебным звукам,
пусть не моим, в потомстве прозвучать!»

(Неточная цитата.) С Государем
всяк вел Отчизну к гибели, как мог.
А он — стишками: «Братушки, ударим!
Шекспира посильнее наш сапог!»

(Неточная цитата.) Но навеки
две буквы августейшие — в крови
у разночинцев. Это знали зэки:
«к.-р.», «к.-р.» — кого ни назови.

БАЛЛАДА

Приятель младший был у нас.
Хорош и в профиль и анфас.
А уж стихи... едва ль не гений!
Строптивый нрав. Боксерский шрам.
Питомец муз. Любимец дам.
(Но не поклонник словопрений.)

Как все, был выпить не дурак.
Лечился, знал больничный мрак.
Живого места не осталось
на парне к двадцати пяти...
(Поверь, так тошно взаперти;
прикинь, как пацану досталось!)

Писал: кенты — менты — бинты —
кранты — и так до маеты,
про член понтовый дяди Паши,
о сваю грохнутого лбом;
и тут же — в девичий альбом
Дуняши, что ли, там, Наташи...

Нет, вру! Волшебные стихи!
Соединенье чепухи,
тоски и сладостной музы́ки!..
Но кто же слышит их? Никто!
Литература — как лото —
игра. И правила в ней дики...

Ан вдруг — не вдруг, но вот успех —
Москва, две тыщи баксов (эх!),
вниманье значимых журналов...
Тут крыша съедет и не та:
лауреатства «тра-та-та» —
снотворней всяких люминалов.

Но слава — что́? — пустая пря:
звенит, карман не серебря.
И, гаже Нижнего Тагила,
грозит очередной дурдом.
А лавр, коль завоеван, — лом...
И приняла его могила.

...Самоубийце, ясно, — ад.
Но резвых шалостей расклад
в черновиках республикован
(при жизни вряд ли бы пострел
на свет их вытащить посмел!) —
и оскорбленный в мести скован.

...Его играют и поют
(приятно творческий уют
украсить отсветом кошмара,
погреться около печи...
Тут всех бойчее москвичи, —
привет, публичная гитара!).

Он — спору нет — поэт, поэт.
Поэт прекрасный — спору нет...
Жаль умер... Я бы, как Мартынов,
хотел задать ему вопрос...
Но он еще живущим нос
утер, себя из жизни вынув.

...Сто лет минуло с той поры.
Бросают разные шары
организаторы культуры:
тот «против» кинет, эта — «за»
(не фильм, а сопли и слеза —
голландские миниатюры:

*глян, ван, какая пьян и рван,
как жюток этот рюс иван,*

*фесь гот зима, одни бабушки,
бил дихтер с чистой голофой,
но и того згупил запой,
фот-фот ф наз фистрельят из пфушки!)*...

А мы, старье, живем себе,
катаемся на «А» и «Б»,
ликеры пьем, сигары курим
(все фишки раздает Старшой!) —
и с нашей маленькой душой
такого не набедокурим.

* * *

Ирине Евсе

Не важно, в Ялте ли, в Гаэте —
балкон полночный, влажный гул,
трезвон цикады в бересклете,
разгул пристойный, байки эти:
Тибулл, Проперций и Кутулл.

Не важно — граппа или чача,
а важно — Блок или Сапгир.
Глазеть в морскую даль, судача.
Такая теплопередача,
чуть улучшающая мир.

И так ли важно, чья тут база?
Все хороши, покуда спят.
От хмеля путается фраза.
По черной глади диабазы
лучи прожектора скользят.

.....

Читал стихи о свойствах Крыма.
Уже подкрадывалась мгла...
И вот в кольце огня и дыма —
Юго-Восток. Непоправима,
в наш дом История вошла.

* * *

Голубем почтовым из ладони,
оставляя в ней на миг тепло,
в небосвод стремясь, на небосклоне
пропадая (ветром унесло,
смыло синью, белого на белом
различить не в силах глаз),
как спешит душа, простившись с телом
в смертный час,

в небеса, не виданные тленом,
сколь бы ни был мил,
к наперед не ведомым вселенным
от немых могил, —
так и ты лети, стихотворенье,
письмецо для глаз Иных, —
до исчезновенья, растворенья
горестей земных!

ВАРИАНТ

Памяти Нико Гомелаури

Те, что умерли, нет, не сказали
ничего, а верней — не нашлись...
...только ночью на дымном вокзале —
как бы даль, уходящая в высь, —

относительность блика и мрака,
запах гари в пространстве стальном,
полувсхлип напоследок... Однако
всё понятно теперь в остальном.

* * *

Он был сперва, как ты да я, мальком,
безвестный Сын Непредставимой Глыбы.
Сказать Ему два слова — на каком?
на арамейском? — вряд ли мы смогли бы..
Да нет, сначала был Он голубком,
младенцем, лишь потом дорос до рыбы —

до ихтиса (увы, мартиролог:
Исус Христос Господень Сын Спаситель).
Он был, как ты, двуглаз, двулик, двуног, —
но это знаменатель, а числитель
неведом нам, неисчислим, как Бог, —
ведь Бог всегда не делатель, а длитель.

NEWS

* * *

Хувишка, царь кушанский, на слоне,
в богатом платье, в бронзовой броне.
Он — сын Васишки. Брат его, Канишка,
пытался бунтовать, но усмирен
и, видимо, убит. И правит он —
богоподобный на слоне Хувишка.

На реверсе господь четверорук:
ни Шива и ни Митра — только звук.
Еще столетий пять до Мухаммада.
Но дайте срок — Хувишка на слоне
до Лондона дойдет, поверьте мне, —
до Бостона, Парижа, Сталинграда.

И. Е.

Ариобарзана Филоромея
монета серебряная... Неменя
вечно от страха, закрыв глаза,
правил страной этот царь сутулый,
меж Митридатом VI и Суллой
тесно зажат: что ни день — гроза...

О, Каппадокия! Ты воспета
лучшим поэтом: ты — просто Лета,
а не долины, луга, холмы;
в сотах беспамястства всё уснуло —
Филоромайон, Евпатор, Сулла,
всадники, кони... Уснем и мы.

И не смешные колечки ворса
спящим приснятся, не формы торса,
не повторенья для жадных глаз —
зенок какого-то там катулла;
тьма неживая, она же — сулла,
как митридата, обступит нас.

На миллиарды веков, навеки
стылою Летою станут реки.
Над пустотой опустеет мост.
Как навсегда замолчавший кратер,
будет незрим в черноте евпатор.
В этой ночи — ни луны, ни звезд...

Так. Но осколком былого света
в теплой ладони блеснет монета.
Первым из праха воспрянет конь.
Каппадокиец восстанет следом —
на языке, что ему не ведом.
Ихтис здесь — «рыба», а́тар — «огонь»...

* * *

Деметрия Сотера и Деметрия
Никатора эпоха, Антиоха
VII Эвергета... Планиметрия
резни, чертополох переполоха...
Играть бы этим мальчикам в солдатики —
двум сыновьям несчастного Сотера!
Но государства не терпели статики
и не была у них в фаворе мера.

Все умерли довольно молодыми
(тут эвфемизм: растерзаны, убиты).
Зачем мой ум отягощаем ими?
Что́ мне до этой канувшей элиты?
Кто дал им эти титулы — «Спаситель»
и «Победитель»?.. Драмы или срама
здесь торжество?.. В недоуменье зритель...
И всё же верит в ценности упрямо.

АД

Во всех своих надеждах он обманут.

Константинос Кавафис
[Перевод С. Ильинской]

1. Деметрий I Сотер (162–150)

Как туза козырного держали в Риме —
для игры решительной. Но уплыл,
обманув. И «Спасителя» принял имя.
И собрал достаточно сил

для войны за царство отцово. Крови
не страшился родственной он пролить
(что для этой династии было внове —
вот и вьется страшная нить!).

А поскольку в Риме тужил, то Рима
не любил, — желал обозначить твердь
и гордыню. Но Риму всё в мире зримо —
и найдется некто спросить за смерть

Антиоха Пятого (пацана ведь!), —
брат, подросший сказочно (верь, не верь!),
убиенного отрока (месть и память!)
отворяет ногой к Селевкидам дверь.

Сыновей только спас, отослав до Крита, —
Антиоха с Деметрием — их отец.
Честно вышел на битву, да карта бита.
Самозванец берет венец.

2. Александр I Балас (152–145)

Александр Балас («Бережет Ваал» —
то есть Зевс печется о нем),
самозванец, всё время с огнем играл,
всё, безумец, играл с огнем.

Впрочем, пекся о нем Птолемей Шестой,
хитроумный Лагид, — и дочь
выдал замуж за смерда, венчал с тщетою,
отломить полцарства не прочь.

Оттого на драхмах они вдвоем
с Клеопатрой (на полчаса) —
молодец безродный («старье берем!»)
и египетская краса!

Аполлон уселся на пуп Земли.
Громовержец с Никой в руке.
Отовсюду — грузные корабли,
и уходят — не налегке.

Но Лагиду шепчут, что странный зять
замышляет его убить, —
и напротив рати ярится рать,
а супружества рвется нить.

Что в итоге? Одна голова — с дырой,
а другая отсечена...
И отныне Деметрий царит Второй;
Клеопатра — его жена.

3. Деметрий II Никатор (146–138, 129–125),
Антиох VI Дионис (144–142),
Диодот Тифон (142–137),
Антиох VII Эвергет (138–129)

Царь Деметрий Никатор теперь брадат, —
больше перс он теперь, чем грек:
жил в плену у парфян — Хорасан, Багдад, —
пил из чуждых эллинам рек...

Был мальчишкой объявлен царем, женен
на вдове самозванца (жуть!),
наречен нелепейшим из имен —
«Победитель» (не как-нибудь!).

Лютовал ли?.. Но Диодот Тифон
возмутил, предатель, войска
против «деспота» — и возвел на трон
Александрова сосунка.

(Он потом убил его, да и сам
Антиохом Седьмым убит...
По усам текло — так по волосам
не скули на земле обид!)

Митридатом Деметрий пленен, а брат,
Антиох, ведет под венец
Клеопатру всё ту же и сам не рад...
Что, увы, еще не конец.

Антиоха парфяне добьют. Уйдет
от парфян Деметрий — и вновь
с Клеопатрой в Сирии заживет;
но и эта прольется кровь.

Александр Забина уже в пути,
Александра, якобы, сын.
Никуда Деметрию не уйти —
он на свете, как перст, один.

4. Александр II Забина (128–122)

Александр Забина один — за всех
антиохийских царей —
улыбается на монетах. Смех
не таит. Он всех веселей.

Всех богаче. Двойной Изобилья Рог
украшает реверс его
легковесной драхмы... Счастливый бог!..
Только в будущем — ничего,

кроме плена и гибели... Все вокруг —
лизоблюды, предаст любой;
но улыбчивый рот посильней, чем лук,
а уж он-то всегда с тобой.

Самозванец, лагидский лазутчик, вор,
Ники золото на чекан
«одолживший» у Зевса: задобрить двор,
затянуть солдатский аркан...

Пусть вино — с цикутой, кривить уста
не пристало ему вовек...
Доброхоты шепчут: «Казна пуста!» —
улыбается гордый грек.

5. Клеопатра Тея
и Антиох VIII Эпифан (125–121)

Улыбаются только греки...
Трех мужей пережив, она
собиралась царить вовеки,
но как мать уже, не жена.

Это не Артемида с Фебом
на монете — она и он,
сын возлюбленный, данный небом:
кто отец его? — Аполлон!

Трех мужей предала, убила
сына младшего, чтоб росла
Антиоха дивного сила
под размахом ее крыла.

(На охоте. Из лука. Метко.
Промахнувшись как бы... Эсхил!..
Артемида!.. Страшна монетка!!!)
...Но у милого станет сил,

оперившись, добавить яда
в кубок матушкин (пей со мной!).
...Бедный мальчик, исчадь ада,
Антиох Эпифан Восьмой.

ARCHAÏSCHER TORSO APOLLOS

Так написал германец. Но теперь
предполагают: это — торс Сатира,
и флейта, в лучшем случае, не лира,
была в руках исчезнувших... Не верь!

Искусствовед не прав, а прав поэт.
Пушай его сужденья из ошибок
живых растут, пусть довод жизни зыбок, —
но правда — там, где дышит Параклет.

Не Марсий это низменный! — Орфей,
поющий бог (сомнения разве!),
всевешне процветающий Осирис.

И плоть его слепящая чиста,
как благодать воскресшего Христа,
как лепестки опять раскрывший ирис.

СОДЕРЖАНИЕ

Архаический торс Аполлона (Rainer Maria Rilke) (2014, 2005)	5
--	---

ПРОПУЩЕННОЕ

«„За лесом пик и копий...“» (1975, 2012).....	9
Литераторские Мостки (1980).....	10
«Не в арабской ли сказке когда-то...» (1996).....	11
«Поедем в Вырицу – мириться...» (1997).....	12
«Вечерний, чересчур небритый...» (1997).....	13
Из римских стихов (1998)	
1. «От фресок, от мозаик, от картин...».....	14
2. «Возлюбленная спутница, душа...».....	14
3. «Двуликий Янус, верный палиндром...».....	14
Сербско-хорватский словарь (1997–2002)	
1. «Серб, словно серп в жнивье, в поверженном хорвате...»	15
2. «В Карсте голуби прячутся в гротах...».....	15
3. «Посылающий весть...»	16
4. «Как и в птичьем зрачке...».....	16
5. «Тоже в каске, как призрак в студенном и ртутном романе...».....	17
Вестник (1997–2002)	
1. «Как альпийский стрелок, как альпийский стрелок молодой...».....	18
2. «Ты – не ртуть и не сера, тем более ты – не сульфид...»	18
3. «От курчавой макушки до пяток крылатых...»	18
«Он тек из бездны миллионы лет...» (2001).....	20
«Езда в незнаемое – сладок...» (2001).....	21
Нарцисс (2000, 2004).....	22
Соборы (2002).....	23
«И Путин есть, и Буш, и Ельцин, и Хрущев...» (2005)	25

Тюбинген (2005, 2013)	26
Память (Fridrich Hölderlin) (2004)	27
Середина жизни (Fridrich Hölderlin) (2004)	29
«Стихи с названиями „Зима“...» (2004)	30
Из Верлена («Подростком я мечтал о „Кохиноре“...») (2006)	31
Из Себастьяна Найта	
1. «Летят салазки вниз — и синий...» (1999)	32
2. «В окне двулнзом, точно в призме...» (1999)	32
3. «В газетах: приз получит Букин...» (2014)	33
4. «Ответь, пожалуйста, была ты...» (1999)	33
Писательский дом (2007, 2012–2013)	35
Джвари (2007, 2012)	36
«Всё кончается в зале без окон...» (2010, 2013)	37
«Последнее, что здесь еще не мнимо...» (Rainer Maria Rilke) (1980-е)	38

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

«Ты пробуждаешься, о Байя, — Бог...» (2011)	41
«Решай же, смертный, как тебе...» (2011)	42
«Друг друга отражают зеркала...» (2011)	43
Музыка на закате (2011)	
1. «В городке, раздобревшим на соли...»	44
2. «Мой принц, мы посетили Ваш...»	44
3. «Цезари, лежащие в свинцовой...»	45
4. «Пятый век они идут по насту...»	46
5. «В старческой руке тысячелетний...»	47
6. «Музыка бывает только в Вене...»	48
Романсеро (2010)	49
«Поэт описывает вазу...» (2009, 2011)	50
Наставления (2011)	
1. «Коварствами искусств насытятся наконец...»	51
2. «Тот облик, что глядит из зеркала...»	51
3. «Жизнь посредственного поэта...»	51

Вяземский (2013).....	52
«Во сне привиделось: в аду...» (2011).....	53
* * * (2007, 2012, 2013)	
1. «Я видел сорный Вторчермет...».....	54
2. «Будет слава и слева и справа...».....	54
«Помолиться Ему за богов нелепых...» (2012).....	56
Себастьян (2000-е, 2013).....	57
«Хотел бы Венецией дивной...» (2014).....	58
Три стихотворения (2013)	
1. Гаэта.....	59
2. Сперлонга.....	59
3. Неаполь.....	60
Римские дни (2013)	
1. Circo Massimo.....	62
2. Palatino.....	62
3. Quirinale / Pinus pinea.....	63
4. Pantheon.....	64
5. Serapeum. Tivoli.....	64
6.1. Laterano.....	65
6.2. Santa Maria in Palmis.....	65
7. San Pietro.....	66
Надпись на книге (2015).....	67
С арабского (2013).....	68
«Благодарен: прожил немало...» (2013).....	69
Из Верлена («Ракушек, украшавших грот...») (2015).....	70
Левитация (2013).....	71
«Странница-душа в сороковину...» (2013).....	72
«Вот и отец, хоть неспешно, за мамой...» (2015).....	73
К. Р. (2014).....	74
Баллада (2006, 2014).....	76
«Не важно, в Ялте ли, в Гаэте...» (2014).....	79
«Голубем почтовым из ладони...» (2014).....	80
Вариант (2014).....	81
«Он был сперва, как ты да я, мальком...» (2016).....	82

NEWS

«Хувишка, царь кушанский, на слоне...» (2010).....	85
«Ариобарзана Филоромея...» (2012).....	86
«Деметрия Сотера и Деметрия...» (2012).....	87
Ад (2014)	
1. Деметрий I Сотер (162–150).....	88
2. Александр I Балас (152–145).....	89
3. Деметрий II Никатор (146–138, 129–125), Антиох VI Дионис (144–142), Диодот Тифон (142–137), Антиох VII Эвергет (138–129).....	90
4. Александр II Забина (128–122).....	91
5. Клеопатра Тея и Антиох VIII Эпифан (125–121).....	92
<hr/>	
Archaïscher Torso Apollos (2014).....	93

КНИГИ АЛЕКСЕЯ ПУРИНА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Евразия и другие стихотворения Алексея Пурина.

СПб.: Пушкинский фонд, 1995.

Созвездие Рыб. М. – СПб.: Atheneum-Феникс, 1996.

Архаика. СПб.: Звезда, 1998.

Сентиментальное путешествие / Райнер Мария Рильке.

Сонеты к Орфею. *Пер. с нем. и примеч. А. Пурина.*

СПб.: Звезда, 2000.

Alexeј Pœrin. **De goudvink.** Vertaald door Hans Boland /

Алексей Пурин. **Снигирь** [билингва]. Dordrecht

[Голландия]: Wagner en Van Santen, 2001.

Новые стихотворения. СПб.: Звезда, 2002.

Неразгаданный рай. СПб.: Звезда, 2004.

Почтовый голубь. Париж–СПб.: Голубой айсберг, 2005.

Сочинения Алексея Пурина (1): Архаика / Евразия.

СПб.: Звезда, 2005.

Сочинения Алексея Пурина (2): Новые стихотворения /

Райнер Мария Рильке. **Сонеты к Орфею.** *Пер. с нем.*

и примеч. А. Пурина. СПб.: Звезда, 2006.

Долина царей. СПб.: Звезда, 2010.

Ведуты. [Стихи об Италии]. Екатеринбург: Евдокия,

2015.

Почтовый голубь. Собрание стихотворений: 1974–

2014. СПб.: Звезда, 2015.

ПЕРЕВОДЫ

Райнер Мария Рильке. Сонеты к Орфею. *Пер. с нем.*

А. Пурина. СПб.: Азбука, 2002.

Мартинус Нейхоф. Перо на бумаге: Стихотворения,

поэмы, проза. *Пер. с голл. К. Верхейла, И. Михайловой*

и А. Пурина. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003.

Я. Х. Леополд. Стихи. *Пер. с голл. И. Михайловой*

и А. Пурина. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005.

Гвидо Гезелле. Если сердце слышит: Стихи и проза / **Guido Gezelle.** Als de ziele luistert: Gedichten en Proza [билингва]. *Пер. с голл. И. Михайловой и А. Пурина.* СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2006.

Геррит Ахтерберг. «Ода Гааге» и другие стихотворения. *Пер. с голл. И. Михайловой и А. Пурина.* СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2007.

ЭССЕИСТИКА

Воспоминания о Евтерпе. СПб.: Звезда, 1996.

Утраченные аллюзии. СПб.: Звезда, 2001.

Листья, цвет и ветка. СПб.: Звезда, 2010.

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Н. Л. Уперс. Апокрифы Феогнида. *Подгот. текста и примеч. А. Пурина.* СПб.: Пушкинский фонд, 2005.

Н. Л. Уперс. Апокрифы Феогнида. Несобранное. *Изд. подгот. А. Пурин.* СПб.: Звезда, 2007.

Алексей Пурин
СЕДЬМАЯ КНИГА

Корректор *С. Н. Павлюченкова*

Подписано в печать 15.11.2016. Формат $84 \times 108^{1/32}$.

Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.

Объем 3,125 п. л. Тираж 200 экз.

Заказ № 500.

Оригинал-макет изготовлен и отпечатано
в ООО «ИПК «КОСТА»
СПб., Новочеркасский пр., д. 58, офис 413,
тел.: (812) 445-10-02

ISBN 978-5-91258-366-7

9 785912 583667